АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией академика Российской Академии наук М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXX **ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ВОСТОЧНЫЙ ГИНДУКУШ**

Ю. А. Иоаннесян

ИЗУЧЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ХОРАСАНСКОЙ ГРУППЫ ДИАЛЕКТНОГО МАССИВА ЯЗЫКОВ ПЕРСИДСКОГО, ДАРИ И ТАДЖИКСКОГО

Внутри обширного ареала диалектов близкородственных языков персидского, дари и таджикского хорасанские занимают особое положение. Распространенные в пределах исторической области (с культурнополитическими центрами Нишапур, Тус, Герат и др.), сыгравшей исключительную роль в становлении и развитии классического новоперсидского языка, они поныне сохраняют архаизм, сближающий их по ряду признаков с последним, что предопределяет важность исследования этих диалектов для выявления истории формирования языка классической персидско-таджикской литературы. С другой стороны, оказавшись на стыке между Ираном и Афганистаном, они во многих отношениях носят промежуточный между говорами персидского языка Ирана и дари Афганистана характер, поэтому изучение их необходимо для диалектологии обоих этих языков и создания научной классификации диалектов персидско-дари-таджикского массива.

Географические пределы Хорасана трудно однозначно очертить, так как они претерпевали изменения от эпохи к эпохе. Оговорим лишь, что под хорасанскими диалектами мы подразумеваем бытующие в Северо-Восточном Иране (остан Хорасан) и Северо-Западном Афганистане (Гератская провинция), то есть на территориях, исторически составлявших ядро этой области, представляющих собой обширный район. Так, один лишь остан Хорасан занимает 320 тыс. км². Для сравнения укажем, что территория Республики Таджикистан 143,1 тыс. км², тогда как степень изученности ее диалектов на сегодня благодаря усилиям советских иранистов несравненно большая. Последнее служит еще одним доводом в пользу необходимости активизации усилий по устранению диспропорции, установившейся между диалектологией языков персидского и дари (частью которой является хорасанская диалектология), с одной стороны, и таджикской — с другой.

Начало изучению диалектов Хорасана было положено В. А. Ивановым. Именно им в 1912—1919 гг. был собран в различных областях

одноименной иранской провинции богатый лингвистический материал, вышедший в серии публикаций. Грамматические экскурсы и примечания к текстам в трудах В. А. Иванова 1 полны ценных наблюдений, не утративших актуальности и поныне. В 1915 г. он издал статью, посвященную персидской народной поэзии². Среди последних и четверостишия (№ 23—49), записанные в 1914 г. в селении Сейфабад в районе Туршиза (современное название — Кашмер³, расположен в центральной части остана Хорасан). Десятилетием позже В. Иванов опубликовал поэтические тексты (в основном четверостишия фольклорного характера) 4, собранные в 1918—1919 гг. в районе города Сабзевара (Северо-Западный Хорасан). Материал, представленный в этом труде, дает достаточно ясное представление о диалекте в первую очередь с фонетической точки зрения. Во вводной части содержится краткий очерк персидской народной поэзии и особенностей хорасанского диалекта, отмечаются черты, отличающие последний от литературного персидского языка. При этом автор рассматривает хорасанский диалект в целом, указывая на то обстоятельство, что «язык, на котором говорит персидское население Хорасана, почти единообразен» (пер. Ю. И.) [Ivanow, 1925, р. 241]. В очерк включены список зафиксированных в говорах личных форм и причастий от неправильных глаголов, а также список диалектной лексики. С Сабзеваром же связана и другая работа В. Иванова 5. Она представляет собой публикацию двух поэм, написанных более чем столетием раньше двумя сельскими поэтами, проживавшими в указанном районе. Язык этих произведений автор характеризует как «сабзеварский диалект в исключительно чистой форме» [с. 6]. По его мнению, хотя поэмы эти (суфийского содержания) и не имеют ничего общего с подлинным фольклором, их можно рассматривать как ценные в филологическом отношении документы [с. 7]. Первоначально записанные в арабской графике, специально приспособленной для передачи диалектных форм и произношения, они были озвучены живыми носителями говора и воспроизведены В. Ивановым в латинской фонетической транскрипции [с. 8]. Тексты, представленные в трех вариантах: в оригинале, в переложении на литературный персидский язык и в транскрипции, снабжены английским переводом.

Небольшой поэтический фрагмент (из девяти строк) на сабзеварском диалекте помещен в статье того же автора «Myhammadan childkilling Demons» ⁶.

Из Северо-Западного Хорасана в Южный Хорасан переносит нас следующая работа В. Иванова — «Persian as spoken in Birjand» 7. Она содержит богатый фольклорный материал, собранный в 1912—1913 гг. в районе (окрестных деревнях) города Бирдженда, географические пределы которого очерчены границами окружающих его сопредельных территорий: Кайена, Зиркуха, Суннихане и Нехбендана [с. 239]. Диалектные тексты включают как сказки и короткие рассказы, так и четверостишия, свадебные и колыбельные песни. Грамматический очерк посвящен особенностям южно-хорасанского диалекта. Работа содержит также и сведения о селениях Бирдженской долины и близлежащих районов.

Одновременно с появлением основных трудов по хорасанской диалектологии В. Иванова вышла в свет работа А. Массэ в, представляющая собранные им тексты на говоре г. Мешхеда, записанные от грамотного носителя этого говора, блестяще владеющего диалектной речью. Двадцать семь больших и малых ее прозаических образцов (сказок и рассказов) и два четверостишия, воспроизведенные в детальной фонетической транскрипции на базе латинской графики и предваренные краткими грамматическими пояснениями, дают наглядное представление о говоре.

Период оживления интереса к диалектологии Хорасана, наметившегося в двадцатые годы, сменился десятилетиями застоя в изысканиях по этой тематике. Новый всплеск активности в данном направлении пришелся на семидесятые годы. На этом этапе, однако, внимание исследователей вышло за пределы иранского Хорасана, сфокусировавшись также на прилегающих к этой провинции областях современного Афганистана, исторически составлявших с ней единое целое.

В 1974 г. Р. Зоморродиан опубликовал «Le Système verbal du Persan parlé à Qâyen» 9. Расположенный в Южном Хорасане, Кайен с севера примыкает к Бирджендской долине (см. выше). В работе детально описана диалектная система глагола, приводятся полные парадигмы спряжения большого числа глаголов, что в сочетании с совершенной транскрипцией позволяет составить ясное представление не только о предмете, вынесенном в заглавие статьи, но также и о фонетике и отчасти лексике кайенского говора. Последний предстает перед нами очень схожим по основным характеристикам с описанным ранее В. Ивановым бирджендским диалектом, что не только закономерно вытекает из географической близости Кайена и Бирдженда, но и свидетельствует, что за прошедшие полвека говоры обследуемого региона если и претерпели изменения, то лишь незначительные.

В Материалах Всесоюзной научной конференции «Проблемы иранской филологии» были опубликованы тезисы доклада А. М. Шафаи «О некоторых фонетических, лексических и морфологических особенностях сабзеварского диалекта» (Баку, 1977. С. 26—28) (далее: [Шафаи, 1977]).

Семидесятые годы ознаменовались появлением в Афганистане ряда публикаций, посвященных гератскому диалекту (главным образом его лексике). Среди последних особо выделяется словарь гератского диалекта ¹⁰ М. А. Фикрата, включающий в основном именные части речи и глаголы. Значительное внимание в нем уделено названиям предметов обихода и национальных блюд, сельскохозяйственной терминологии. Большим достоинством является дифференциация общеафганской разговорной лексики дари и специфически гератской. Основой для труда, как отмечает автор, послужили опубликованные в арабской графике диалектные материалы. Для облегчения прочтения части лексики последняя приводится отдельным списком в конце работы с огласовками. В предисловии содержатся некоторые замечания по фонетике.

Вопросам лексики посвящены также статьи в журнале «Fôlklôr» («Фольклор»), например: «Loghât wa estelâhât-e 'awâm dar še'r-e Nâzem-e Herawi» («Разговорные слова и выражения в поэзии Назема

Херави»), автор — М. А. Фикрат (Folklore. Vol. 1, № 4, 5. Kabul, 1973—1974) и «Kolâh dar farhang-e 'âmiyâna-ye Herât» («[Слово] 'шап-ка' в народном лексиконе Герата»), автор — А. Таманна (Folklore. Vol. 4, № 6. Kabul, 1977).

Указанные афганские публикации содержат много ценного, однако использование транскрипции на основе арабской графики без огласовок затемняет фонетические и отчасти морфологические особенности диалекта. В подобной транскрипции издано и несколько образцов связных текстов бытового и фольклорного характера, например короткий рассказ на гератском диалекте с переводом на литературный дари в статье Р. Фархади «Safha-yê az fôlklôr-e Herât» 11, а также несколько четверостиший из района Герата-Гора в составленном Ф. Факири сборнике народного фольклора на языке дари 12.

В 1979—1981 гг. автором настоящей статьи был собран в Афганистане материал по гератскому диалекту: тексты бытового содержания, сказки, диалоги, четверостишия и др. Последние записывались на магнитофонную ленту в основном от неграмотных и малограмотных коренных жителей (мужчин от 18—30 лет) г. Герата и близлежащих населенных пунктов: Инджиль (4 км к югу от г. Герата), Гозара (10 км к югу от г. Герата). Гуриан (64 км к запалу от г. Герата). Паштун-Заргун (40 км к юго-востоку от г. Герата 13). Позднее в Санкт-Петербурге был также записан разноплановый материал от грамотного носителя диалекта, происходящего из селения Зиаратджай (16 км к юго-западу от г. Герата), в то время студента одного из городских вузов. Для установления характера количественных противопоставлений гласных при содействии кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета был проведен их анализ экспериментально-лабораторным способом. Вышеупомянутые материалы послужили базой комплексного исследования гератского диалекта, предпринятого автором этих строк и легшего в основу подготовленных в настоящее время к печати монографии «Гератский диалект дари» и статьи «Место гератского среди диалектов дари-персидского языкового массива» 14. Первая представляет собой системное описание фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики диалекта, содержит обширное Приложение в виде глагольных таблиц и диалектных текстов. Во второй на основе сопоставления кабульского, гератского и тегеранского диалектов как характерных представителей своих ареалов (с использованием терминологии Р. Фархади 15 — афганотаджикского, хорасанского, западно-персидского) выявляется их лингвистическая позиция по отношению друг к другу. Внутри дари-персидского языкового массива гератский определяется как промежуточный между афгано-таджикскими и западно-персидскими диалект, в равной степени обладающий существенными чертами сходства и отличия как с первыми, так и с последними, что оправдывает выделение не двух, а трех диалектных групп внутри указанного массива: западную (персидские говоры Западного Ирана), центральную (хорасанскую) и восточную (таджико-афганскую). Прежде хорасанская группа, к которой относится гератский, рассматривалась как подгруппа восточных диалектов ¹⁶. Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что к настоящему времени обследованы (хотя и не в равной мере) следующие районы Хорасана: в пределах Ирана — северо-западный (Сабзевар), северо-восточный (Мешхед), южный (Бирдженд, Кайен); в пределах Афганистана — Герат, что в целом охватывает значительную часть этой исторической области. Понимая диалект как совокупность близкородственных говоров, бытующих на определенной территории и обладающих рядом существенных общих признаков, в силу чего имеющих большее сходство между собой, чем с другими говорами того же языка 17, а группу диалектов, соответственно, — как совокупность последних, характеризующихся большим сходством между собой, чем с другими диалектами данного языка, попытаемся выделить признаки, объединяющие описанные к настоящему моменту диалектно-говорные единицы массива языков персидского-дари, бытующих в провинциях Хорасан (Иран) и Гератской (Афганистан). Как общирность очерченного географического пространства, так и лингвистический материал указывают на то, что последние при всей близости между собой не составляют единого диалекта. Это особенно справедливо по отношению к гератскому, с одной стороны, и к хорасанским говорам Ирана — с другой. К тому же ориентированным сегодня на разный литературный эталон. Однако несоизмеримость по объему лингвистических данных об отдельных областях рассматриваемой территории не позволяет в рамках настоящей статьи осуществить классификацию хорасанских диалектов. Как отмечает В. С. Расторгуева, «...прежде всего нужно выделить основные диалектные единицы, т. е. компактные группы массива близких между собой говоров. Изоглоссы отдельных диалектных явлений обычно совпадают, поэтому выделение основных диалектных единиц производится по совокупности признаков, по специфическому их сочетанию. Границы между отдельными диалектными единицами не являются абсолютными, так как говоры незаметно переходят один в другой...» 18. Говоры Хорасана (в пределах Ирана и Афганистана) и составляют одну из таких диалектных групп. Для определения ее специфических признаков сопоставим их друг с другом, прослеживая линии их схождений в том, что одновременно отличает эти диалекты от западных и восточных (см. выше). Таким образом, критерием выделения указанных признаков явится наличие того или иного явления в хорасанских говорах (хотя бы в нескольких) при его отсутствии в западной и восточной группах. Поскольку при сравнении диалектных ареалов невозможно сопоставление всех или многих говоров одного ареала со всеми или многими говорами других, целесообразно ограничиться сравнением наиболее показательных представителей своих ареалов. Закономерно остановиться на кабульском и тегеранском. Первый, как справедливо отмечает Л. Н. Киселева, распространенный в масштабе Афганистана в качестве полифункционального наддиалектного койне, наиболее полно отражает языковые особенности ареала (афганотаджикского). Такое положение подкрепляется экономической и культурной значимостью г. Кабула в условиях данной страны ¹⁹. Подобную роль выполняет тегеранский в пределах Ирана. Оказывая все возрастающее влияние на все персидские диалекты и испытывая некоторое обратное воздействие со стороны областных говоров, он является самым характерным представителем западно-персидского языкового массива. Л. С. Пейсиков указывает на тесную связь персидского разговорного языка с тегеранским просторечием ²⁰, поэтому наличие в диалектах Хорасана явления, отсутствующего в тегеранском и кабульском, справедливо отнести к разряду особенностей или специфических признаков первых, выделяющих центральную группу среди всего персидско-дари-таджикского массива. Поскольку оба вышеуказанных диалекта широко представлены в научной литературе ²¹, мы не будем в настоящей статье прибегать к ссылкам на них, как и оговаривать отсутствие в них отмечаемых в хорасанских говорах черт.

Укажем также, что в части, касающейся гератского диалекта, в статье использованы собственные материалы автора.

Перед тем как перейти к рассмотрению диалектов, скажем несколько слов о транскрипции и условных сокращениях. В статье принята транскрипция на латинской основе с добавлением некоторых знаков для передачи следующих фонем и их вариантов: $\hat{\mathbf{e}}$, $\hat{\mathbf{o}}$, $\hat{\mathbf{a}}$ — гласных, соответствующих историческим $\bar{\mathbf{e}}$, $\bar{\mathbf{o}}$, $\bar{\mathbf{a}}$; ϵ — открытого варианта $\mathbf{e}$; 1 — закрытого $\mathbf{e}$; $\bar{\mathbf{a}}$ — закрытого варианта $\mathbf{a}$; $\mathbf{a}$ — редуцированного $\mathbf{a}$. Для обеспечения большей унификации нам пришлось отказаться от некоторых знаков, применяемых авторами ряда используемых $\mathbf{b}$ настоящей статье трудов, заменяя их соответствующими современной транскрипции, например, $\mathbf{s}$ ($\mathbf{b}$ работах $\mathbf{b}$. Иванова) > $\mathbf{s}$, $\mathbf{g}$, $\mathbf{e}$ > $\mathbf{g}$, $\mathbf{e}$ > $\mathbf{o}$ $\mathbf{u}$ ", $\mathbf{a}$ ($\mathbf{g}$ ср.: $\mathbf{k}$ > $\mathbf{e}$ — союз, $\mathbf{d}$ а $\mathbf{g}$ > $\mathbf{e}$ = $\mathbf{e}$ оставляя без изменения $\mathbf{g}$ примерах, почерпнутых у $\mathbf{g}$. Иванова, $\mathbf{g}$ и $\mathbf{g}$ то же время оставляя без изменения $\mathbf{g}$ примерах, почерпнутых у $\mathbf{g}$. Иванова, $\mathbf{g}$ и $\mathbf{g}$ также $\mathbf{g}$ (глухой вариант фонемы $\mathbf{g}$ — полузвонкого увулярного согласного).

Постпозитивные грамматические показатели, не принимающие ударения, отделяются дефисом.

```
Условные обозначения при примерах:
```

```
пов. накл. — повелительное наклонение
       сосл. накл. -- сослагательное наклонение
       наст. вр. — настояще-будущее время
       прош. вр. — простое прошедшее время
       прош. длит. — прошедшее длительное время
       осн. - основа
       гл. — глагол
       личн. мест. — личное местоимение
       1 л. — первое лицо
       2 л. — второе лицо
       3 л. — третье лицо
       ед. ч. — единственное число
       мн. ч. - множественное число
       лит. (лит. перс.) — литературный персидский язык
       диалекты: бир. — бирджендский, гер. — гератский, кайен. — кайенский, меш. —
мешхедский, саб. — сабзеварский
```

Фонетика

Развиваясь в направлении перехода от восьмифонемного состава к шестифонемному, хорасанский вокализм находится на стадии далеко зашедшего процесса слияния i ($<\bar{i}$) — $\hat{e}$ ($<\bar{e}$); u ($<\bar{u}$) — $\hat{o}$ ($<\bar{o}$). На-

личие многочисленных дублетных форм свидетельствует о том, что историческое противопоставление i — $\hat{e}$; u — $\hat{o}$ в рассматриваемых диалектах угратило фонематический характер, в силу чего в обеих парах составляющие их гласные превратились в варианты одной фонемы: $i/\hat{e}$; $u/\hat{o}$.

i/ê:

Гер. sir/sêr 'сытый', safid/safêd 'белый', dib/dêb 'див', sib/sêb 'яблоко' и т. п.; меш. rix/rêx — 3 л. ед. ч. прош. вр. гл. «лить(ся), сыпать(ся)» [Massé, 1925, р. 110, 115]; саб. riz/rêz — осн. наст. вр. того же глагола, ср.: berizum/bärizum — 1 л. ед. ч. сосл. накл., berêz — ед. ч. пов. накл., safêt/safit/säfid, ср.: säfid-e — с союзом e < o, safid-ä с местоименной энклитикой 2 л. ед. ч., утратившей конечный -t, 'белый' [Ivanow, 1925, р. 271, 287, 262, 286, 304, 305, 267]. Эпизодическое восстановление е отмечается и в южно-хорасанских говорах: бир. bêl-eš, bêl-um 'ero, моя лопата', berês/wärês — ед. ч. пов. накл. гл. «прясть», -ê/-i — постпозитивный выделительный артикль, ср.: yak šar-ê 'некий город' (наряду с многочисленными примерами перехода исторического ē < i: šämšir 'меч', säfid 'белый', rismun 'веревка', yek tufang-i 'некое ружье' и т. п.) [Ivanow, 1928, р. 321, 256, 264, 268, 325, 256, 266]; кайен. -ê — вышеупомянутый артикль, ср.: yag pul-ê 'одна монета', rêxta 'сыпать, лить', -êm — личное окончание 1 л. мн. ч., ср.: dâštêm — 1 л. мн. ч. прош. вр. гл. «иметь» (наряду с hič 'никакой, ничто', miš 'овца', merizom — 1 л. ед. ч. наст. вр. гл. «сыпать, лить») [Zomorrodian, 1974, p. 103, 91, 97; 103, 90, 91].

На отсутствие фонологической значимости исторического противопоставления і — е̂ указывает также совпадение в произношении слов šir < šīr 'молоко' и šir < šēr 'лев': гер. šir 'молоко' — šir/šēr 'лев'; саб. šir 'молоко' — šir 'лев' [Ivanow, 1925, р. 294, 263, 287]; бир. šir 'лев' — šir 'молоко', ср.: šir-1 ... (с изафетом) [Ivanow, 1928, р. 312, 271]. Ср. также: гер. sir (< sīr) 'чеснок' — sir (< sēr) 'сытый'.

u∕ô:

Меш. tu/tô — предлог, ср.: räf tu hamom/tô hamom räf 'он пошел/вошел в баню', u/ô — личн. мест. 3 л. ед. ч., ср.: хапа-уа и 'его дом', різ-а о 'перед ним, к нему' [Massé, 1925, р. 83, 85, 98], восстановление о наблюдается также в меш. begô/bogô, magô — положительная и отрицательная формы пов. накл. гл. «говорить» (однако примеры соответствия исторического о — меш. и более многочисленны, ср.: bu 'запах', kuh 'гора', ruz 'день' и т. п.) [Massé, 1925, р. 89, 82, 98, 117, 107, 111]; саб. gu/gô — осн. наст. вр. вышеупомянутого глагола, ср.: bugu/bogô — ед. ч. пов. накл. [Ivanow, 1925, р. 292, 279; 1927, р. 27, 33], bogôyum — 1 л. ед. ч. сосл. накл. [Ivanow, 1925, р. 13], beguyä/ пäguyä — положительная и отрицательная формы 3 л. мн. ч. сосл. накл. [Ivanow, 1925, р. 294], war-guyi — 2 л. ед. ч. сосл. накл. префиксального глагола от той же основы [Ivanow, 1927, р. 33], šur/sôr 'соленый' [Ivanow, 1925, р. 270, 276], восстановление о отмечено в го̂dа-уе ... (с показателем мн. ч. и изафетом) 'кишки' (наряду с многочисленными случаями перехода исторического ō > caб. u, cp.: juy 'apык', buy 'запах' и т. п.) [Ivanow, 1925, p. 299, 302]; гер. ruz/rôz 'день', rud/rôd 'peka', dug/dôg 'пахтанье', pust/pôst 'кожа, шкура', gusfand/gôsfand 'баран', dorug/dorôg 'ложь'.

На отсутствие фонологической значимости исторического противопоставления u — $\hat{o}$ указывает также совпадение в произношении слов ku ($< k\bar{u}$) 'где' и ku ($< k\hat{o}$ h) 'гора', ср.: бир. ku 'где' — ku 'гора' ^{22} [Ivanow, 1928, р. 294, 334, 270, 298, 310]; гер. ku 'где' — $ku/k\hat{o}$ 'гора'. То, что в гератском звук $\hat{o}$ находится в заключительной стадии превращения в вариант фонемы u, подтверждается и переходом во многих словах в $\underline{u}^{23}$ (изначально комбинаторный аллофон фонемы u < $\bar{u}$, возникший под влиянием согласных переднеязычной артикуляции и у) как исторически немаджгульного, так и маджгульного гласных: zambur (< zambūr) 'пчела', $d\underline{u}d$ (< $d\bar{u}d$) 'дым', anuz (< hanuz) 'еще'; $b\underline{u}y/bu$ (< $b\hat{o}y$) 'запах', $m\underline{u}$ (< $m\hat{o}y$) 'волос', $n\underline{u}$ 8/ $n\hat{o}$ 8 (< $n\bar{o}$ 8) 'вкушение'.

Дифтонги

Характерно колебание в произношении дифтонгов еу/ау/ау и ой /оw/оu/оu/оu /aw/aw/au (в гератском оu/оu /aw/au/au), свидетельствующее о том, что основным направлением исторической эволюции последних в рассматриваемых диалектах является постепенный переход ау и аv, соответственно, в еу и оù либо оu/оu через ряд промежуточных вариантов. Ср. нижеследующие примеры.

eŷ / eŷ / aŷ / aŷ

Бир. ney/nay (ср. nay-ra с послелогом ra) 'тростник; свирель', хеуг/хауг (ср.: хеугаwâ из хеуг bâd — пожелание добра, хауг-еš — с местоименной энклитикой 3 л. ед. ч.) 'добро', еуwun/äywun 'веранда, терраса' [Ivanow, 1928, р. 313, 304, 274, 288, 299, 320], переход ау > еу отмечен в бир. qey 'рвота', key 'когда' и т. п., наряду с сохранением ау в рауда 'явный', maydu (< maydan) 'площадь; площадь; , hayf-е... 'жаль, что...' [Ivanow, 1928, р. 256, 288, 256, 257, 264, 279]; саб. ney/nay (см. выше), ср. также: hayrun 'удивленный, изумленный', kayk 'блоха', may 'вино' и т. п. [Ivanow, 1927, р. 33; 1926, р. 289, 265, 267, 276]; гер. key/key 'когда', рeyda/payda 'явный', еугипі/аугипі 'скитание, блуждание', ср.: heyran/ayran 'удивленный; скиталец'.

ou / ow / ou / ou / aw / aw / au / aw / au

Гер. döur-e/däur-e 'вокруг', öu leki/awlaki 'испуганный; с испугу', öuli/auli 'двор' ²⁴; бир. nöu /naw 'новый', berow/berou /beraw — ед. ч. пов. накл. гл. «идти», dowlat/däwlat (ср. däwlat-1 — с изафетом) 'благосостояние, достаток, богатство' [Ivanow, 1928, р. 317, 318, 303, 257, 255, 256, 272, 318, 280]; ср. также саб. dour-e 'вокруг', јеlоw 'впереди, вперед', now 'новый' наряду с јаw 'ячмень', sawdâ 'торговля, сделка' и т. п. [Ivanow, 1925, р. 278, 258, 311, 301, 286] ²⁵.

Остановимся на некоторых общих явлениях в области гласных, характерных для диалектов рассматриваемого района.

- І. Звуковые замены.
- 1. Колебание $e(\varepsilon)/a(\ddot{a}, \vartheta)$ в исходе слов.
- В ударной позиции наблюдается:
- а) в именных частях речи, наречиях: бир. Fââtme/Fâtmä Фатима (имя собственное), tâjire/tâjirä (с суффиксом -e/ä) ²⁶ 'купец' [Ivanow, 1928, р. 304, 309, 265, 264]; меш. märtike/martikä 'мужчина; мужик; человек', kuče/kučä 'улица', gosse/gossä 'печаль', täšne/täšnä 'испытывающий жажду', hamiše/hamišä 'всегда' [Massé, 1925, р. 88, 81, 90, 86, 98, 99, 106, 86, 90, 89]; гер. češme/češmä 'родник', golle/golulə 'шарик', juje/jujə 'цыпленок, птенец; детеныш', šokombe/šokomba 'требуха', хипе/хипә 'дом', pâkize/pâkizə 'чистый';
- б) в личных формах глагола: бир. še/šä ²⁷ 3 л. ед. ч. наст. вр. сосл. накл. гл. «становиться, делаться», nämiše/nemiše/nemišä 3 л. ед. ч. наст. вр. того же глагола с отрицанием, mipeze 3 л. ед. ч. наст. вр. гл. «готовить пищу», ср.: misuzä та же форма гл. «гореть» [Ivanow, 1928, р. 255, 256, 301, 332, 269, 293]; гер. (формы 3 л. ед. ч. наст. вр. следующих глаголов) mige/mige/migä/migae/migava 'говорить', mire/mire/mirä 'идти', miše/miše/mišä/mišave/mišavä 'становиться, делаться', miġzâre/miġzâra 'класть';
- в) в причастиях прошедшего времени глаголов: бир. gufte/guftä 'говорить', puxte/puxtä 'готовить пищу', xurde/xurdä 'есть', karde/kärdä 'делать', wär-dište/war-dištä 'подбирать, подхватывать' [Ivanow, 1928, р. 269, 271, 269, 255, 269, 302, 325, 255, 256]; меш. рохtе/рохtä 'готовить пищу', munde/mondä 'оставаться', xabide/xabidä 'спать', oftade/oftadä 'падать', näšäste/näšästä 'сидеть' [Massé, 1925, р. 103, 106, 86, 106, 109, 93, 109, 96, 82]; гер. endâxte/andâxte/andâxta 'бросать', bude/buda/buda 'быть', dište/dešte/dištə 'иметь', kade/kadä/kardə 'делать', rafte/raftä/rafta 'идти', šode/šoda/šodə 'делаться, становиться'.

В неударной позиции:

а) в послелоге, оформляющем прямое, реже косвенное дополнение (-re/re/ra/rə/e/ɛ/ä/ə): бир. bâbâ me-re xurmä-yi dâd 'отец дал мне фиников', me-ra wo ti nedan ti či migi? 'если меня не дадут тебе, что ты скажещь?', xušä-re wä xarmä dâdum 'колосья я отнес на гумно', kâgazrä bâd wär-dâšt 'бумагу унесло ветром', mulâ me-re kıtâb-i dâd, kıtâw-e wä Xudâ dâdum 'мулла дал мне одну книгу, книгу я отдал Богу', dâg-ä gar nebinum xar-e muš-ä 'мне будет больно не увидеть осла [цвета серой] мыши' [Ivanow, 1928, p. 281, 284, 280, 286, 281, 279]; саб. sak-e zard-re bekuši... 'убей желтую собаку', sär-ät-rä хат ku 'наклони голову', pâytâwaš-e ²⁸ wâ kunum... 'размотаю-ка обмотки на ее ногах...', guli-š-ä mu bägirum dä tah-e kâl 'возьму ее (собаку. — Ю. И.) за горло на дне рва' [Ivanow, 1926, р. 197; 1925, р. 267, 286, 298]; гер. marteke ičiz²⁹ dige-re gofte natunes 'человек больше ничего не смог сказать', amu wazifə-ге e ra kardim 'мы исполнили тот [свой] долг', dast-о pây ârus-erə ınâ mibandan 'мажут хной руки и ноги невесты', хог jin-e bə sar-e šânâ-ye хо bokoni 'положи хурджин себе на плечи', begir i angoštar-є 'возьми это кольцо', і gusfand-ə bordan 'этого барана отнесли', і gäp-ä ke і zad, goftä... 'после того как он произнес эти слова, сказал...';

6) — (у)е/є/ә/ä/³0 а — краткая форма глагольной связки 3 л. ед. ч. (реже мн. ч.): бир. häyf-е/häyf-ä... 'жаль...', wär nädistä-уе — 3 л. ед. ч. перфекта гл. «подбирать, подхватывать», či хаваг-ä? 'какие вести?' [Ivanow, 1928, р. 279, 336, 256, 264]; кайен. ken-e? 'кто это?', bodä-уе — 3 л. ед. ч. перфекта гл. «быть», baččе-1 šomä persärä-уе уа doxtär-e? 'ваш ребенок мальчик или девочка? (букв.: сын или дочь?)', hävå sard-ä 'погода холодная; холодно', хипä tarik-ä 'в доме темно' [Zomorrodian, 1974, р. 104, 103]; гер. ma sayl konom ci gap-e bemi šar či gofte-e 'посмотрю-ка, что делается (букв.: какие дела) в этом городе, какие разговоры', bače, mifami, gap či-уе 'мальчик, понимаешь, в чем дело', i уак tandurak-є 'это — печурка [для выпекания лепешек]', и пеѕрат bə gowat-æ 'это зависит от возможностей'.

2. Потеря огубленности гласным а и его уподобление а/а.

Зависимость от позиции (неударная, особенно предударная) наиболее четко прослеживается в гератском диалекте 31 man najar-om 'я плотник', ср.: bəm najarí 'в столярной мастерской'; jar bezan ед. ч. пов. накл. гл. 'оповещать', ср.: jarčín 'глашатай'; galinbâf šodom 'я стал ковроделом', ср.: galinbafi 'ковроткачество' и т. п. В слоге, являющемся ударным при самостоятельном употреблении слова, а не переходит в а и тогда, когда данный слог утрачивает ударение при сложении основ и образовании композитов. Так, в salâ 'оружие' ударение приходится на второй слог, гласный которого сохраняет качественную устойчивость и в композите salapakí 'чистка оружия', несмотря на перенос ударения. Ср.: yad 'память' — yadegarí 'памятный', xas 'желание' — xâssegarí 'сватовство', xák 'прах, пыль' — xâkobadí 'пылевая буря'. Ср.: переход â > a в palunduzí 'изготовление вьючного седла' и galinbafí 'ковроделие', начальный слог которых не является ударным и при самостоятельном употреблении первых компонентов этих композитов.

Та же тенденция (зависимость от позиции) в целом прослеживается и в кайенском диалекте: mébafóm, bebáf, bebáftom, boxom báf, baftá — 1 л. ед. ч. наст. вр.; ед. ч. пов. накл.; 1 л. претерита; 1 л. ед. ч. будущего категоричного времени; причастие прошедшего времени гл. «прясть»; méšnasóm, bešnás, bešnáxtom, boxom ešnáx, ešnaxtá — те же формы гл. «знать». Ср. также: xalí 'пустой', tarík 'темный', šäftalú 'персик', qaličá 'коврик' и т. п. наряду с hävá 'погода', sabá 'завтра', čeráq 'лампа' и т. п. [Zomorrodian, 1974, р. 92, 90, 103, 104, 103, 111].

Примеры из других диалектов: меш. talá 'золото' — talabáf ³² 'златотканый; парча', gädá 'нищий' — gädaí 'нищенство', gädahá 'нищие', täryák 'опиум' — täryäkí — относительное прилагательное от вышеупомянутого существительного, täryakkáš 'курильщик опиума', byá — пов. накл. ед. ч. гл. «приходить» — byäyí — 2 л. ед. ч. сосл. накл. того же глагола, šáh-ä bozorg 'великий шах' — šahá-yä bozorg 'великие шахи' [Massé, 1925, р. 96, 94, 95, 102, 89, 98, 107]; саб. bäšä — 3 л. ед. ч. сосл. накл. гл. «быть» — mäbáš — ед. ч. пов. накл. того же глагола с отрицанием, mähí-š — относительное прилагательное от существитель-

ного «луна» (с местоименной энклитикой 3 л. ед. ч.) — mấh-e now 'молодой месяц' [Ivanow, 1927, р. 37, 35, 15], хапа 'дом' — хепеhấ 'дома', хепехота̂b 'находящийся в бедственном положении', еjará 'аренда' — еjeredấr 'арендатор' [Шафаи, 1977, с. 26, 27]. Вышеприведенные примеры показывают также, что â, уподобляясь а/ä, может переходить не только в различные варианты этой фонемы, но и в е(/є). Ср.: гер. jeru 'метла', berik 'узкий', čɛlɛki 'хитрость' и т. п.

3. Редуцирующее воздействие г на соседний гласный (вызываюшее либо резкое сокращение, либо полное выпадение звука): гер. harkät/arkät/arkat (< harakät) 'движение', bâbarkat (< bâbarakat) 'благословенный, miyâre/miyâr — 3 л. ед. ч. наст. вр. гл. «приносить» (ср.: i-r ke miyâre, i-r miyâr bam sar-e češme, jânamâz хо... 'когда он приносит его, приносит его к роднику, свой коврик для совершения молитвы...'), vor-midâr — та же форма гл. «подбирать, поднимать» (ср.: dêg arčı vormidâr pas pormain miše 'сколько ни берет [из котла рыбы], котел снова наполняется рыбой'), betarəši, betoršun (tarəš-/torš-< taraš-/ taraš-) — 2 л. ед. ч. сосл. накл. и 3 л. ед. ч. прош. вр. с каузальным суффиксом гл. «обтесывать», čег/čеге/čегэ 'почему', -r/— (ә) r^2 — послелог (ср.: vak-i gardan vak-i-r gavem dare 'один [осел] прикреплен к (букв.: держит другого) за шею', gombaz-ər' bedidi? 'ты видел купол?'. Особо отметим возможность выпадения $\hat{o}/u$ ($<\bar{o}$, $\bar{u}$) и i ($<\bar{i}$): bor/borô — ед. ч. пов. накл. гл. «идти» (ср.: bor, kamarban jur ko 'иди приведи в порядок [свой] пояс'), dor/doru raf — 3 л. ед. ч. прош. вр. гл. «входить» (dor < doru < daru < darun), terkestun (< târikestân) 'место, где царит мрак'.

Ср. примеры из других диалектов: меш. ріпўга (лит. перс. рапўаге) 'окно', šігпі (лит. šігпі) 'сладости', ргід (лит. рагід) — 3 л. ед. ч. прош. вр. гл. «взлетать», mäträši (лит. mitäråšid) — 3 л. ед. ч. прош. длит. гл. «обтесывать», märsya (лит. miräside) — 3 л. ед. ч. длительного перфекта гл. «достигать», особо отметим bur byâr 'пойди принеси', ср.: borô «иди» [Massé, 1925, р. 82, 88, 85, 114, 83, 81, 83, 85]; саб. marsana (лит. miräsânäd) — 3 л. ед. ч. наст. вр. гл. «доводить», патагапа — та же форма с отрицанием [Ivanow, 1927, р. 39, 29], tarfе (лит. täräf-e) 'в направлении', -г (послелог), ср.: tu mu-г guftäy... 'ты мне сказал(а)...'. [Ivanow, 1925, р. 307, 287]. Ср.: кайен. mayi ke i-г betärsunom 'хочешь, чтобы я его напугал' [Zomorrodian, 1974, р. 111], бир. we didum duxteru buzâ-г dušä 'и я увидел, что девушки доят коз' [Ivanow, 1928, р. 309].

Как видно из вышесказанного, гласные, соответствующие историческим долгим, обнаруживают большую качественную и количественную неустойчивость. Ср. уподобление â > a/ä, редукцию вплоть до полного выпадения ô/u, i в соседстве с г. Последнее обстоятельство указывает на отсутствие противопоставления гласных по признаку устойчивости-неустойчивости ³³. Этот вывод подкрепляется и данными лабораторного исследования длительности гласных гератского диалекта. В закрытом ударном слоге исторические долгие и краткие оказались примерно равны по длительности, тогда как в открытом безударном выявлено лишь незначительное различие между ними ³⁴. Поэтому применительно к системе гератского вокализма невозможно ставить во-

прос о делении гласных на долгие и краткие в том смысле, в каком это различение сохранилось в литературном дари и кабульском просторечии ³⁵. Однако насколько правомерен этот вывод по отношению ко всему Хорасану, может быть установлено лишь в процессе аналогичного лабораторного исследования других диалектов.

Рассмотрим теперь наиболее распространенные общие явления в области согласных.

- 1. Переход в ряде слов w/v > b: бир. bibä (лит. bive) 'вдова', däbid (лит. dävid) 3 л. ед. ч. прош. вр. гл. «бежать», resbâ (лит. rosvâ) 'опозоренный' [Ivanow, 1928, р. 312, 267, 299]; rep. bafâ (< wafâ) 'верность', tabile (< tawile) 'конюшня', rabâšk (< rawâš) 'ревень', dib/dêb (< dêw) 'див'. Ср. меш.: dib 'див' [Massé, 1925, р. 106].
- 2. Переход l > r: бир. gulurä (лит. golule) 'пуля; шарик', gudâr/gudâl (лит. goudâl) 'котловина', ġalber (лит. ġerbâl) 'решето', ср.: ġalber-e wâ di 'принеси решето' [Ivanow, 1928, р. 304, 326, 269]; гер. alâri (< halâli) 'законнорожденный' delârat (< dalâlat) 'увещевание', раг (< pal) 'лезвие', огизvâli-ye Anjir (< oluswâli-ye Enjil) 'уезд Инджиль', јегоцу (< јеlawi) 'предшествующий'.
- 3. Выпадение в ряде широкоупотребительных слов интервокального d с последующим появлением на стыке двух гласных вставного у либо сокращением числа слогов в слове: саб. ріуär (лит. pedär) [Ivanow, 1925, р. 248], меш. руär [Massé, 1925, р. 96], гер. ріуаг 'отец'; меш. mäzyä (лит. mizäde), märsyä (лит. miräside) 3 л. ед. ч. длит. перф. гл. «бить», «достигать» [Massé, 1925, р. 81]; саб. diyum (лит. didäm), biyum (лит. budäm) 1 л. ед. ч. прош. вр. гл. «видеть», «быть», ämyä (лит. âmäde), eftiyä (лит. oftâde) причастия прошедшего времени гл. «приходить», «падать» [Ivanow, 1927, р. 11, 35, 29, 31; 1925, р. 285, 248]; меш. barâr (лит. bärâdär) [Massé, 1925, р. 117], гер. borâr 'брат'; саб. bärâr-um 'мой брат', mâr (лит. mâdär) 'мать' [Ivanow, 1925, р. 272, 305, 279], меш. mâr-äš 'его мать' [Massé, 1925, р. 109].
- 4. Возможность выпадения -т в личных окончаниях 1 л. ед. и мн. ч. различных глагольных форм (отмечается даже в народной поэзии): саб. bärum äz bâgebun-e gul bäpurse 'пойду-ка спрошу у садовника роз(ы)' [Ivanow, 1925, р. 268]; бир. bä qurwun-e sıyâhčäšmâ-yı Tugâw še 'да стану я жертвой чернооких [девушек] Тугаба', gulâm-e mâdär-e šede-u duxtär 'я стал рабом матери и дочери' [Ivanow, 1928, р. 289, 319]; гер. тап... раттой buda nâleš mikada-vo... 'я... лежал и стонал...', mâ mifti 'мы падаем', mâ mâsti 'мы захотели'.

Морфология

- 1. Возможность отсутствия послелога (соответствующего лит. râ) ³⁶ при явно определенном прямом объекте: бир. biâ, nim-e xunä-yı mâ jâru ku 'иди подмети половину моего дома' [Ivanow, 1928, p. 256]; меш. šotor mofrušom 'я продаю верблюда' [Massé, 1925, p. 73]; гер. mə az məxâbere tabdil karde 'меня перевели из [подразделения] связи'.
- 2. Энклитическое использование личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа. В гератском диалекте последние являются полноправными местоименными энклитиками (никакие

пругие в нем в данном качестве не зафиксированы), активно выступающими в определительной, объектной и субъектной функциях 37: âkem xod-i ni-ye, gamândân ba jâ-in-e 'самого начальника нет, вместо него — командир [воинской части]'; miš bu barê nar-e mifruše barê mâdêm fâyde-yu, pašm am zen-e gâlin mikone 'если уродятся овцы, крестьянин продаст барашков, а овечки составят его доход, из шерсти его жена будет ткать ковры'; inâ ičči amitô dan-inâ wâ rafte bud, bə ta ru mâ sey mikadan 'a они [в ответ] ничего [не говорили], рот у них (букв.: их) был раскрыт [от удивления], они смотрели на наши лица': i šâ Abbâsi xêli gar-i genf 'этим шахом Аббасом овладел сильный гнев', gusfand-э migiran, migzâran, mikošan... bâz unjigâ vak nafar a taraf-e döulat-e, bâz u tâpe mikonə, mor mikonə-u 'барана берут, кладут, закалывают, затем там есть представитель (букв.: человек от) властей, он ставит клеймо, ставит печать на него'; yak asp-e mə bə zamin xor, bəm sar sang ke berasid-i bə zamin хог 'одна из моих лошалей свалилась на землю, как только подошла она к камню, упала на землю'.

Применительно к мешхедскому и бирджендскому диалектам, в которых в разных фонетических вариантах широко употребительны место-именные энклитики, этимологически связанные с лит. -äš/-eš, -ešân 38, правомерно ставить вопрос лишь о возможности энклитического использования местоимений 3-го лица: меш. kuzi šeru' kärd bä mäyl-onâ bä raqsidän va mo'allaq zädän 'горбач принялся по их желанию плясать и кувыркаться', märtikä ke guč-rä xärid xäylä xošhâl bud ke yäk guč därä ke hičkä nädärä bä xubi-u 'мужчина, который купил барана, был очень рад, что имеет барана, равного которому нет ни у кого' [Massé, 1925, р. 84, 112]; бир. guf: nisf-1 sär-e mâ negah ku. I hamun nisfäy sär-i 39 negâh ke '[дракон] сказал: «Поищи [вшей] на половине моей головы». Она поискала [вшей] на той половине его головы', i sär kı buridän maastä kı ıškäm-u pârä di 'когда отрезали ему (барану) голову, то хотели вспороть ему (букв.: его) брюхо'. Ср.: ....іškäm-äš xabar nädâš 'желудок его ничего не почувствовал' [Іvanow, 1928, р. 257, 264, 266].

В области глагольной системы выделим следующее:

1. Использование префикса be- (в разных фонетических вариантах) в формах (помимо прочих) претерита, перфекта и преждепрошелшего времени. В кайенском диалекте он — непременный компонент последних (кроме приставочных, а также глаголов «быть», «иметь», «делать», «становиться» 40. В гератском, бирджендском, сабзеварском и мешхедском — факультативен и не сообщает глаголу иного видовременного оттенка, на что указывают многочисленные примеры употребления префиксальных и беспрефиксных форм в одной фразе для передачи идентичных по характеру, а также последовательно сменяюшихся действий: гер. tâ modathâ budom be Irân, tâ zamân-i ke yak čan rupiye bə dast-e mə bıâmâd-o bâz bad az u bıâmâdom, bə watan âmâdom 'в Иране был я долго, пока не появилось у меня несколько афгани, после чего вернулся на родину', goftan: az in ii dekun-e xo bobordə, bə digə ї гаftа '[люди] сказали: «Он перенес отсюда свою лавку, ушел в другое место»', ami bârâ ke boftâde bud bəm ru-ye sangâ, ami bârâ bečindim 'мы собирали те вьюки, которые попадали на камни'; бир. gaza bekäšid buridan biawurdan tu sini nadan (лит. nehadand) 'вытащили еду, нарезали,

принесли, положили на поднос', pâin âmádä läw-1 ow benišástä di dä tuy-1 ow yak aks-1 mâyi eftidä 'спустились, сели у края воды, увидели в воде отражение луны', и waxt bä hamä jã biumádä budän, biumádä budän bä yak šar-ê räsidän 'после того как они побродили повсюду, пришли в один город' [Ivanow, 1928, р. 265, 257, 264]; меш. käčäl yäk do morg šäkâr kerd az tuy-ä bâg az mivâ-yä däräxtâ čidän morgâ-rä käbâb kerdän ruy-ä hamu säng-ä bozorg näsästän bexordän 'лысый подстрелил на охоте одну-двух птиц, [вместе они] собрали фруктов с деревьев в саду, зажарили на вертеле птиц, сели на тот большой камень и поели' [Маssé, 1925, р. 119].

Ср. в кайенском диалекте формы 1 л. ед. ч. претерита перфекта и преждепрошедшего времени глаголов: bešnâxtom, bešnaxtä-yom, bešnaxtä bodom 'знать', bebâftom, bebâftä-yom, bebaftä bodom 'ткать', boxârdom, boxordä-yom, boxordä bodom 'есть' [Zomorrodian, 1974, p. 95—96].

2. Участие -ак (в разных фонетических вариантах) в образовании: а) основ настоящего времени глаголов «падать», «становиться; оставаться; останавливаться»; б) форм повелительного наклонения единственного числа любых глаголов (в обоих случаях факультативен). Полная парадигма спряжения двух указанных глаголов отмечена в гератском диалекте: miftekam, miftiki/mifteki/mifteki, mifteke/mifteke, mifteki^m, mifteki^m, mifteki^m; befteki/beftiki, beftekad; mistekom/mistekom, misteki/misteki/mistiki, misteke/mistakad, mistekim/misteki^m, mistekim, mistekim; bestekam, bistiki (ср.: nastiki).

В грамматическом обзоре хорасанских диалектов, предваряющем сабзеварские материалы, В. Иванов упоминает «формы типа mufta-ke = هى المتد (пізтаке = مى المتد) и т. п.» ⁴² без указания района, где последние были отмечены (повсеместно в Хорасане?). Однако с учетом поставленной в настоящей статье задачи для нас существен сам факт их фиксации в иранской части Хорасана, выводящий данное явление за пределы Гератской провинции.

В формах повелительного наклонения -ak представлен разными фонетическими вариантами. В гератском -ak/-a/-e: i afte ko našodā, agə afte-ye dige biyâyak 'на этой неделе-то не вышло, разве что приходи на следующей неделе', pâk bošurak, tamiz ko, bâz biyâya, xošk konak 'хорошо вымой (ребенка), приведи в опрятный вид, затем принеси и насухо протри', i-râ bobor dar bâzâr söudâ kone 'отнеси его (кольцо) на базар, продай'. В глаголах, содержащих этот формант в основах, в указанном наклонении может происходить его двойное наращение: bestekak. Отмечен единичный пример редупликации -ak в других глаголах: biyâragak.

В бирджендских материалах В. Иванова широко представлены формы повелительного наклонения единственного числа с исходом на -ey/-äy/-e ⁴³: där wå kuney där wå kunäy 'открой дверь, открой дверь', beguyum tu bedåne kı či čiz-ä 'скажу тебе, знай, что за вещь', äz u čådır-säfid čiz-i meguyay 'не говори ничего о той, одетой в белую чадру', beguyum wå kuni där-rä mäbändey 'скажу, открой дверь, не закрывай' [Ivanow, 1928, р. 274, 291, 302, 285].

Нижеследующие обстоятельства говорят в пользу того, что формы эти содержат тот же постпозитивный компонент:

- А. Набор вариантов данного окончания ay/äy/ey/e свидетельствует, что первоначальными следует считать формы ay/äy (< ak), так как фонетическими закономерностями диалекта легкообъясним лишь переход ay/äy > ey (> e), но не наоборот (см. раздел «Дифтонги»).
- Б. Выпадение согласного в бирджендском диалекте часто ведет к появлению на его месте у: äyär (лит. ägär) 'ecли', mäyer (лит. mägär) 'paзве', diyär (лит. digär) 'другой', miymun (лит. mehmân) 'гость', beytär (лит. behtär) 'лучше', особо выделим конечную позицию в словах: bedey (лит. bedeh) ед. ч. пов. накл. гл. «давать», čây (лит. čâh) 'колодец', mey (лит. män) 'я' [Ivanow, 1928, p. 257, 287, 291, 267, 321, 285, 256, 275].
- В. В глагольной основе, в составе которой зафиксирован -ak, последний реализуется как -ey: bästey, bästey 'постой, постой' [Ivanow, 1928, р. 274], ср.: mistake (см. выше), гер. bəstak/bəstek/bistak 'постой'.
- Г. Наращение этого форманта наблюдается и в глагольной связке 3-го лица единственного числа, где он также утратил конечный согласный: haste/haset (с метатезой) [Ivanow, 1928, р. 267]. Ср. аналогичные гератские формы áste/ástä (< ástak); ástak ⁴⁴ в кабульском диалекте. Тот факт, что -k в этом слове исчез бесследно (без замещающего у), может объясняться безударной позицией форманта.
- Д. Активное использование -ak в повелительном наклонении в диалекте на сопредельной с Южным Хорасаном территории систанском 45.

Вероятно, наращением того же форманта (с выпадением согласного) объясняются сабзеварские личные окончания 2-го лица — -а в повелительном (и сослагательном?) наклонении, о которых говорит В. Иванов: tu biwä räwä, bär ârä [Ivanow, 1925, p. 252, 269].

3. Нарашение постпозитивного форманта -i/-е в 3-м лице (факультативен). Говоря о формах типа mayedi (میکوید), maredi (میرود) и т. п. в говорах районов Бирдженда и Кайена, В. Иванов затрудняется дать по поводу происхождения конечного -і однозначный ответ, является ли последний энклитически использованным местоимением i(n): mayedi/ mayädi < miguyad i(n) или глагольным суффиксом непрерывности или длительности 46. То, что в принципе первый вариант не исключен, подтверждается возможностью использования личных местоимений в функции энклитических (см. выше), а также инверсии, когда личное местоимение, которым выражено подлежащее, следует за сказуемым и по своему характеру сильно приближается к энклитическому: guft i: xäyli хиb 'он сказал: «Очень хорошо»'. Так, спорными остаются случаи наращения -і в глаголах при отсутствии в предложении подлежащего, выраженного существительным или личным местоимением: u waxt migädi 'тогда [он] говорит' [Ivanow, 1928, р. 268, 264]. Однако наличие примеров произношения этого форманта как -е (что исключает его происхождение из in), а также присоединение -i/-ê к глаголу и в тех предложениях, в которых имеется подлежащее, выраженное существительным или личным местоимением, равно как и функциональная близость этого постпозитивного показателя к глагольному суффиксу - е, известному по ранненовоперсидским текстам ⁴⁷, указывают на то, что большинство форм с -i/-ê объясняется наращением последнего.

Южнохорасанские примеры (в изъявительном наклонении) bād 1 š bā dil-e numid-äš mayedi... 'затем нехотя он говорит...', zān ġazā biāwúrdā guf ki men dardi šikām-um. Xud partöu mikašidi 'жена, принеся еду, сказала: «У меня болит живот». Сама [при этом] ложилась', bād yek jäwälduz wä mašk-eš zā ki öu mešaredi 'затем шилом они проткнули бурдюк (букв.: его бурдюк), так что течет вода' [Ivanow, 1928, р. 271, 269]; (в сослагательном) di ki ġalef-i âw-eš kār ki kaači mipeze, ârd 'ат хатіг-еš kā ki kumāš bepezedi 'он увидел, что она наполнила водой котел и печет каачи 48, из муки приготовила тесто, чтобы испечь кумаш', уак гиz-i уак čârwâ-yi tu ulangi sar dâdā šu ki bečarādê 'однажды на лут был выпущен осел, чтобы пастись', i zān-e Lar-Xân mixâs ki u-r bukušändê... 'эта жена Лар-Хана хотела, чтобы его убили...' [Ivanow, 1928, р. 269, 270, 267].

В гератском диалекте -i/-ê зафиксирован активно использующимся как в прозаическом и поэтическом фольклоре, так и в обыденной речи в условных придаточных предложениях с формой претерита глагола «быть», при этом выражаемое действие может быть как реальным, так и ирреальным. В фольклоре отмечен и с другими глаголами. Примеры: aga kas-1 kampaxte budi, kol-e pul-eu xalâs mišod bəm râ 'если у человека хлопка было мало, то все его деньги (вырученные за хлопок) кончались по дороге', bâz bo mâ gorut am miyâwordan, baz-e waxtâ ke... age gorut-o maske nabudê, az unâ rugan zard mixaridim 'приносили [кочевники] нам курут... иногда, если не было курута или сливочного масла, мы покупали у них топленое масло'; kâške Arumi budi ke inâl sêbâ biyâwordi 'о, если бы был Аруми, он бы сейчас принес яблок' 49.

4. Образование отрицательной формы предикативной связки от положительной как краткой, так и полной. В гератском первый вариант имеет значительно большее распространение, чем второй: гер. niyom, ni-yi, ni-ye/ni-yä и др.; бир. ni-yum, nê-yi, ni-ä [Ivanow, 1928, p. 296, 320, 257]; саб. ni-yum [Ivanow, 1925, p. 273]; меш. nyä [Massé, 1925, p. 117]. Ср. также: бир. nisti, nis [Ivanow, 1928, p. 302, 306]; меш. nistom, nisti, nis [Massé, 1925, p. 90, 99, 82]; саб. nis [Ivanow, 1925, p. 283]; гер. nis.

Лексика

Из общих лексических особенностей выделим прежде всего несколько широкоупотребительных глаголов.

Сводная (по диалектам) парадигма спряжения глагола «любить; хотеть» ⁵⁰:

(настояще-будущее время, ед. ч., 1 л.) кайен. mayom [Zomorrodian, 1974, р. 106], бир. mâyom [Ivanow, 1928, р. 252], саб. mâyum/moyum [Ivanow, 1925, р. 261, 279], гер. mâyom/mayom/ moyom/mâm; (2 л.) кайен. mayi [здесь и далее там же], гер. mâyi/mayi/mayi/mayi/mayi/mây; (3 л.) кайен. mayä, бир. mâya [Ivanow, 1928, р. 324], саб. moya [Ivanow, 1927, р. 13], гер. mâye, mâya, moya; (мн. ч., 1 л.) кайен. mayem, гер. mâyi(m); (2 л.) кайен. mayei, гер. mâyi(m); (3 л.)

кайен. mayan, гер. mâyam; (претерит, ед. ч., 1 л.) кайен. mastom, гер. mâstom; (2 л.) кайен. masti, гер. mâsti/masti/məsti/mesti; (3 л.) кайен. mas, гер. mâs; (мн. ч., 1 л.) кайен. mastem, гер. mâsti(m); (2 л.) кайен. mastei, гер. mâsti, (3 л.) кайен. mastan, гер. mâstan/mâstan/mâstam.

Причастие прошедшего времени: кайен. mastä, гер. mâstə/masta; будущего: гер. mâstani;

«пить»:

(настояще-будущее время, 1 л. ед. ч.) гер. mišamam, (сосл. накл.) bešamom/bešemom, (мн. ч.) mišamim, (3 л. ед. ч.) mišame/mišama, (претерит, 3 л. ед. ч.) šemid/šamid, бир. šâmid [Ivanow, 1928, р. 266], (прошедшее длительное, 1 л. мн. ч.) гер. mišemidim, (пов. накл., ед. ч.) bešam, (инфинитив) бир. šâmidän, ср.: šâmidän = 1 оw 'питие воды' [Ivanow, 1928, р. 266];

«воровать»:

(настояще-будущее время, ед. ч., 1 л.) кайен. mejunom ⁵¹ (здесь и далее: [Zomorrodian, 1974, р. 92]), (2 л.) гер. mijuni, (3 л.) mijune/ mijunad, (мн. ч., 3 л.) mijunan, (претерит, ед. ч., 1 л. с префиксом) кайен. bejondom, (3 л.) гер. bojun, (пов. накл., ед. ч.) кайен. beju, (будущее категоричное, 1 л. ед. ч.) бохом jon, (причастие прошедшего времени) jondä;

«брать, взимать» (в кайенском с приставкой va-/vâ-, в сабзеварском приставка wâ факультативна):

(настояще-будущее время, ед. ч., 1 л.) кайен. va-mestunom (здесь и далее: [Zomorrodian, 1974, р. 93]), (2 л.) гер. mistuni, (с отрицанием) саб. wâ-nämästuni (здесь и далее: [Ivanow, 1925, р. 310]), (сосл. накл.) гер. bestuni; (3 л., изъяв. накл.) mistune/mistâne, (мн. ч., 1 л., сосл. накл.) bestunim, (3 л., изъяв. накл.) mistunan, (претерит, ед. ч., 1 л.) кайен. va-stondom, (3 л. ед. ч.), саб. wâ-stun, (мн. ч. с префиксом) гер. bostundan, (прошедшее длительное, 3 л. ед. ч. с формантом) mistundak, (будущее категоричное, 1 л. ед. ч.) кайен. vâ-хот ston, (причастие прош. вр. с префиксом) гер. bestunde, бир. bestunde, (пов. накл., ед. ч.) bestun [Ivanow, 1928, р. 264, 255], саб. bästun, (инфинитив) кайен. va-stondä.

Следует особо упомянуть предлог совместности и орудийности, ошибочно принимаемый некоторыми авторами за возвратное местоимение. Последний отмечен В. Ивановым в иранском Хорасане в вариантах хиd/хоd/хоt ⁵² [Ivanow, 1925, p. 256; 1928, p. 254], ср.: бир. хиd ham 'друг с другом' [Ivanow, 1928, p. 268]. А. Шафаи приводит сабзеварскую форму хаd: хаd-хаd-еš harf (gap) теза 'говорил сам с собой' [Шафаи, 1977, p. 28]. В гератском диалекте представлен в виде хоd-е/хоd-ус/хәd-е/хоdê/хәdê/хоdi/хоd: рâyâ хо-г bə saxti xəd-e dandânâ хо wâ kad 'он с трудом зубами развязал [веревки на] ногах'.

Ниже следует ряд диалектных существительных и прилагательных, отмеченных как в иранской части Хорасана, так и в районе Герата. Большинство из них (кроме гератских эквивалентов) выбрано из списков диалектизмов в работах В. Иванова [Ivanow, 1925, р. 256—258; 1928, р. 338—343]. В иных случаях имеется ссылка на источник (в этот перечень не вошли, в частности, те приведенные В. Ивановым лексемы, которые помимо хорасанских употребительны в тегеранском

(например tilä/tulä 'щенок') или в кабульском (ср.: katta 'большой') диалектах):

bâdâr/wâdâr, гер. bâdâr 'хозяин, барин, помещик' čing/čung 'ноготь, коготь', гер. čing 'край, угол'

čoguk [Шафаи, 1977, р. 27], гер. čoguk/čaguk 'воробей'

halhalu, гер. alal 'одышка'

hambik/ambik, rep. ammâg 'жены многоженца по отношению друг к другу'

kalap 'подбородок', гер. kalap 'рот, пасть, челюсть' lıkıtäw, гер. laketöu "/leketöu" 'висящий, подвешенный'

lisk, rep. lisk/lis 'голый, обнаженный'

lom, гер. lombus 'щека'

paftalu 'мусор', гер. poftolôk/paftalog 'увядший'

partaw, rep. partöu/partöu (< partâb) 'упавший; лежащий, растянувшийся'

ulangi [Ivanow, 1928, p. 270], гер. öulengi 'поле, пастбище, луг'

Таким образом, насколько позволяют судить материалы, основные общие особенности диалектов Хорасана можно свести к следующему.

В области фонетики:

- 1. Далеко зашедший процесс перехода от восьмифонемного состава гласных к шестифонемному в результате постепенного слияния і (< $\bar{i}$) и $\hat{e}$ (< $\bar{e}$); u (< $\bar{u}$) и $\hat{o}$ (< $\bar{o}$). Возможность чередования і/ $\hat{e}$; u/ $\hat{o}$ в одних и тех же словах с историческим маджгульным гласным.
- 2. Постепенный переход дифтонгов ау и аv (через ряд промежуточных форм), соответственно, в еу и оu либо ou/ou. Широкий диапазон колебаний в произношении слов с историческими ау и av в результате чередования различных вариантов дифтонгов.
  - 3. Колебание е (ε)/а (ä, ә) в исходе слов (с историческим -a).
- 4. Возможность перехода â > a, чему способствует неударная позиция гласного.
- 5. Редуцирующее воздействие г на соседний гласный, вызывающее либо резкое сокращение, либо полное выпадение звука.
- 6. Большая качественная и количественная неустойчивость как исторически кратких, так и долгих гласных, в силу чего отсутствие их противопоставления по признаку устойчивости-неустойчивости.
- 7. Выпадение в ряде широкоупотребительных слов интервокального d с появлением на стыке двух гласных вставного у либо с сокращением числа слогов в слове.
- 8. Возможность выпадения -m в личных окончаниях 1-го лица единственного и множественного числа различных глагольных форм.

В области морфологии:

9. Факультативность послелога (соответствующего литературному -râ) при определенном прямом объекте.

- 10. Возможность энклитического использования личных (= указательных) местоимений 3-го лица единственного и множественного числа.
- 11. Использование (в некоторых диалектах факультативное) префикса be- (в разных фонетических вариантах) в формах (помимо прочих) претерита, перфекта и преждепрошедшего времени.
- 12. Возможность участия постпозитивного форманта -ak в образовании основ настоящего времени глаголов «падать», «становиться; оставаться; останавливаться».
- 13. Возможность наращения форманта -ak (варианты -ay/-ey/-a/-e) к различным глаголам в повелительном наклонении.
- 14. Сохранение архаичного постпозитивного глагольного форманта -i/-ê, его факультативное присоединение к различным формам (в зависимости от диалекта).
- 15. Образование отрицательной формы предикативной связки от положительной как краткой, так и полной.

Примечания

- 1. Здесь и далее речь пойдет лишь о трудах, посвященных современному состоянию диалектов Хорасана персидско-дари-таджикского языкового массива. Работы, связанные с более ранними стадиями их развития (например: Ivanow W. Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat // Journal of the Royal Asiatic Society. 1923. Pt. 1. P. 1—34; Pt. 3. P. 338—382) либо не имеющие прямого отношения к говорам указанного выше массива (например ряд публикаций о диалектах хорасанских цыган и других малочисленных этнических групп), в данном обзоре не рассматриваются.
- 2. См.: Иванов В. А. Несколько образцов персидской народной поэзии // Зап. Вост. отд-ния Имп. Русского археологического о-ва. Т. XXIII. Пг., 1915. С. 33—60.
- 3. См.: Современный Иран: Справочник. М., 1957. С. 642. Ср. также карту Ирана, приложенную к русскому переводу «Экспедиции в Хорасан» Н. Ханыкова (М., 1973. С. 185).
- 4. См.: Ivanow W. Rustic poetry in the dialect of Khorasan // Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series). 1925. Vol. XXI. № 3 (далее: [Ivanow, 1925]).
- 5. См.: Ivanow W. Some Poems in the Sabzawari Dialect // Journal and Proceedings... 1927. Part. 1. P. 1—41 (далее: (Ivanow, 1927).
- 6. См.: Ivanow W. Muhammadan childkilling Demons // Man: A monthly Record of anthropological Science Vol. XXVI, № 11. 1926. P. 195—199 (далее: [Ivanow, 1926]).
- 7. Cm.: Ivanow W. Persian as spoken in Birjand // Journal and Proceedings... 1928. Vol. XXIV. № 4.
- 8. См.: Massé H. Contes en Persan Populaire // Journal Asiatique. Recueil de Memoires et de notices relatifs aux études oriental publié par la Societe Asiatique. T. CCVI (1925). P. 71—157 (далее: [Massé, 1925]).
- 9. См.: Zomorrodian R. Le Système verbal du Persan parlé à Qâyen // Studia Iranica. 1974. Т. 3, fasc. 1. P. 87—112 (далее: [Zomorrodian, 1974]).
  - 10. Cm.: Fikrat M. A. Loghât-e zabân-e goftâri-ye Herât. Kabul, 1976.
- 11. См.: Farhadi. Safha-yê az fôlklôr-e Herât (Страница из гератского фольклора) // Folkore. Vol. 3, № 6. Kabul, 1976.
  - 12. См.: Tarânahâ-ye kohsâr (Песни гор) / Сост. F. Fagiri. Kabul, 1974.
- 13. Говоры указанных местностей принадлежат к одному диалекту. См. определение диалекта ниже.
- 14. Ранее автором по этой теме опубликованы: Диалект современного дари района г. Герата (фонетика, морфология): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1987; Характерные особенности фонетики и морфологии гератского диалекта современного дари Афганистана // Тезисы Четвертой всесоюзной школы молодых востоковедов. Т. 3: Язы-

- кознание. М., 1986. С. 79—81; Об обших особенностях некоторых глагольных основ гератского диалекта дари и ряда персидских диалектов // ПП и ПИКНВ. Т. 20, ч. ІІ. М., 1986. С. 63—66; Гласные гератского диалекта дари в количественном отношении // ПП и ПИКНВ. Т. 22, ч. ІІ. М., 1989. С. 89—92; О происхождении одной местоименной энклитики в иранских диалектах // ПП и ПИКНВ. Т. 23, ч. ІІ. М., 1990. С. 71—77. Подготовлена к публикации сказка на гератском диалекте с переводом и грамматическими комментариями в прошедшем редактирование сборнике «Афганистан. Страна и народ».
  - 15. Ср.: Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974. С. 7.
  - 16. Ср.: Там же.
- 17. Ср.: Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 50.
- 18. Расторгуева В. С. Опыт классификации таджикских говоров // Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960. Т. II. С. 301. Ср. также: Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964. С. 157.
  - 19. Киселева Л. Н. Язык дари Афганистана. М., 1985. С. 16.
  - 20. Пейсиков Л. С. Тегеранский диалект. М., 1960. С. 6, 7.
- 21. Пейсиков Л. С. Тегеранский диалект; Пахалина Т. Н. К характеристике кабульского просторечия // Индийская и иранская филология. М., 1968; Ефимов В. А. О месте хазара в таджикском языковом массиве (на материале якаулангского диалекта) // Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971; Киселева Л. Н. Язык дари Афганистана. М., 1985; Bogdanov L. Stray notes on Kabuli Persian // Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. 26, № 1. Calcutta, 1930; Farhadi A. R. Persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kâboli Accompagne d'un recueil de quatrains populaires de la Region de Kâbol. Paris, 1955; Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане / Пер. с фр. Б. Я. Островского. М., 1974; Lazard G. Grammaire du Persan Contemporain. Paris, 1957; Kieffer Ch. M. Afghanistan. Languages // Encyclopaedia Iranica. Vol. 1, fasc. 5. P. 501—516 и др.
  - 22. В народной поэзии на бирджендском диалекте оба слова рифмуются:

Mixâm berem ku halâli Zamzämä tufang-ı män ku halâli Zamzämä

Хочу идти в горы, дорогая жена Замзама, Где мое ружье, дорогая жена Замзама? [Ivanow, 1928, p. 334]

- 23. Звук этот отличается от и сильным продвижением в сторону смешанного ряда.
- 24. В гератском диалекте варианты о̂u/ôu^w данного дифтонга основные, âu/aw/au встречаются лишь изредка.
- 25. В мешхедских текстах Массэ рассматриваемому дифтонгу соответствует аw/ô, что, по-видимому, объясняется не переходом дифтонга в монофтонг, а лишь спецификой транскрипции. Есть основания полагать, что знак ô здесь принят для обозначения ou, ср.: jālaw/jalô 'впереди', nô 'новый'; наряду с hawli 'двор', jaw 'ячмень' и т. п. [Massé, 1925, p. 93, 85, 112].
- 26. Ср.: Yak kačale-yi bu, yak pusar-ı tâjıre-yi... I kačalä bä puser-ı tâjırä guf... Didän kı pusär-e kačalä ujå kı пıšastä... pıser-e tâjıre ham nexâstä kı bıyân sär-e ġazâ. 'Жили-были некто лысый и сын торговца... Этот лысый сказал сыну торговца... Они увидели, что лысый сидит поодаль, сын торговца также не захотел подойти к еде' [Ivanow, 1928, р. 264—265].
- 27. Ср.: ...1 wax zänäkä miâd zän-e âġâ-ı u še '...в это время женщина приходит, чтобы стать женой ее отца' [Ivanow, 1928, р. 255]. Ср. также: ...guštun-e u bepäzän kı mâ buxurum kı gurdun-e me xub šä 'пусть приготовят в пищу ее (коровы. Ю. И.) мясо, чтобы я съела и у меня вылечились почки' [Там же, с. 256].
  - 28. Соответствует лит. перс. pâytâbä-äš-râ.
  - 29. Стяжение: ičiz < hiččiz.
  - 30. В гератском диалекте отмечен более передний вариант этого звука [æ].

- 31. Явление это наблюдается нерегулярно и зависит от стиля речи, так, в народной поззии Герата оно встречается редко.
- 32. Ср. противоположное явление при образовании композитов в гератском диалекте.
- 33. Согласно наблюдениям Л. С. Пейсикова, в современных иранских языках классификация гласных по признаку устойчивости-неустойчивости связана, в первую очередь, с наличием или отсутствием способности сохранять качественную ясность во всех позициях (Пейсиков Л. С. Тегеранский диалект. С. 21—22).
- 34. Подробнее см.: Иоаннесян Ю. А. Гласные гератского диалекта дари в количественном отношении // ПП и ПИКНВ. Т. 22, ч. II. М., 1989. С. 89—92.
- 35. См.: Ефимов Б. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н. Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 25; Пахалина Т. Н. К характеристике кабульского просторечия // Индийская и иранская филология. М., 1964. С. 44—61.
- 36. Поскольку данный послелог наряду с артиклем и слитным местоимением принадлежит к грамматикализованным средствам актуализации существительного, мы рассматриваем его в разделе морфологии.
- 37. Подробнее об этом см.: Иоаннесян Ю. А. О происхождении одной местоименной энклитики в иранских диалектах // ПП и ПИКНВ. Т. 23, ч. II. М., 1990. С. 71—77.
  - 38. Cp.: [Massé, 1925, p. 75]; [Ivanow, 1928, c. 252].
  - 39. В отличие от следующего примера в записи В. Иванова без дефиса: ...sär i...
  - 40. Cp.: [Zomorrodian, 1974, p. 98].
- 41. Здесь и далее ^m/m в формах 2-го и 3-го лица (иногда в виде легкого призвука) носит вторичный характер и связан с тенденцией к наращению носовых в открытом конечном слоге (в данном случае образовавшемся в результате выпадения -n).
  - 42. Ivanow, 1925, p. 252.
- 43. Эти окончания следует отличать от внешне совпавших с -еу южно-хорасанских окончаний 2-го лица множественного числа, общих для всех наклонений, образовавшихся, по-нашему мнению, из -ên (если исключить возможную в некоторых случаях контаминацию форм единственного и множественного числа), в силу чего последние правильнее было бы транскрибировать -êy. Ср.: [Ivanow, 1928, p. 253; Zomorrodian, 1974, p. 97].
  - 44. Пахалина Т. Н. Указ. соч. С. 53.
- 45. Грюнберг А. Л. Систанский диалект в Серахсе // Краткие сообщения Института народов Азии. 1963. Т. 67. С. 79; Lazard G. Morphologie du verbe dans le parler Persan du Sistan // Studia Iranica, 1974. Т. 3, fasc. I. Р. 67.
  - 46. Ivanow, 1925, p. 252; 1928, p. 253; 1923, p. 348-350.
- 47. Cp.: Lazard G. La Langue des plus anciens monuments de la Prose Persane. Paris, 1963. P. 327—338.
  - 48. Каачи, кумаш разные виды лепешек, ср.: [Ivanow, 1928, р. 270].
  - 48. Ср. также поэтические примеры из района Герата в сборнике фольклора:
- ترائه مای کهسار، ج. ۱ .. به امطام ف. اقیری. کابل ۱۳۵۳ . می.۳۷ . می. 50. Подробнее об этом глаголе и его возможном происхождении см.: Иоаннесян Ю. С. Об общих особенностях некоторых глагольных основ гератского диалекта дари и ряда персидских диалектов // ПП и ПИКНВ. Т. 20, ч. II. М., 1986. С. 63—66.
- 51. Этот глагол представляет собой каузатив от jasta(n) 'бежать', ср.: кайен. be jastom 'я убежал' и т. п. [Zomorrodian, 1974, с. 92], гер. be jim 'бежим' и т. п.
- 52. О нем и его возможных этимологиях см.: *Оранский И. М.* Тадж. kati/qati осет. (диг.) хäссä // Иранское языкознание (к 75-летию проф. В. И. Абаева). М., 1976. С. 148—159.